

Ю.Г. ПОЛЕТАЕВА

ПРОБЛЕМА НАЧАЛА ИСТОРИИ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ В СТАНОВЛЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В работе утверждается, что решение проблемы начала истории имеет серьёзное актуальное значение и намечается на пути системного подхода к историческому процессу. Системная интерпретация проблемы начала истории заключается в признании специфической правомочности различных версий начала. Указывается, что начало рассматривается здесь как узловой момент, как точка поворота в процессе превращения одной системы в другую. Важное значение имеет «качество»: перерыв циклического повторения, «открытие» перспективы, в направлении которой располагается траектория истории. Проблема начала истории выявляет себя посредством фиксации явлений, превращаясь затем в разветвлённую инфраструктуру исторического процесса, скрытую в его глубине. Утверждается, что специфическая система, образующая мост между поздней первобытностью и собственно историей, может быть охарактеризована как Мегамашина.

Ключевые слова: *начало истории, системный подход, принцип историзма, культура, цивилизация*

Поletaева Юлия Геннадьевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет. E-mail: juliya.poletaeva@2-u.ru

Y.G. POLETAeva

THE PROBLEM OF THE BEGINNING OF HISTORY: THE ROLE OF SOCIAL SYSTEMS IN THE DEVELOPMENT OF CIVILIZATION

The paper argues that the problem of the beginning of history is relevant and that systematic approach to historical process is necessary to solve it. Systemic interpretation of the problem of the beginning of history lies in the recognition of specific eligibility of different versions of the starting point. It is stated that the beginning is considered here as a nodal point, as the turning point in the transformation of one system to another. "Quality" is important: break of the cyclic repetition, "discovery" of perspective, towards which lies the trajectory of history. The problem of the beginning of history reveals itself through the fixation of phenomena, then transforming into the extensive infrastructure of history process, hidden in its depths. It is alleged that a specific system, which forms a bridge between the late savagery and history itself, can be characterized as a Megamachine.

Keywords: *history, systematic approach, principle of historicism, culture, civilization.*

Yuliya G. Poletaeva - Candidate of Philosophical Sciences, assistant professor at the Department of Philosophy, Ural State Agricultural University. E-mail: juliya.poletaeva@2-u.ru

Проблема начала истории имеет два основных параметра - генетический и структурный. В первом случае следует говорить о механизме зарождения исследуемого объекта, в первую очередь, о поиске первичной связи, которая становится базовым основанием [8, с. 113-135], «матрицей нового» - истории как способа социального бытия человека. Сюда же входит определение предпосылок нового и той совокупности условий, в рамках которой действие предпосылок приводит к появлению искомой матрицы и становится возможным её устойчивое и расширенное воспроизводство. Составной частью генетического аспекта проблемы начала истории является хронология - установление временных рамок зарождения, этапов становления нового. Когда речь идёт о втором аспекте (структурном), «нача-

ло» рассматривается в форме основания, показывающего становление цивилизационного процесса как такового, определяющего его внутреннее строение (внутренний срез) - набор многообразных факторов (подсистем), подготавливающих формирование основных параметров системы и факторы её динамики, то есть трансформацию из одного состояния в другое. Системное представление истории во втором случае является обязательным теоретико-методологическим условием решения проблемы её начала.

Решение указанной проблемы осложняется тем обстоятельством, что оно осуществляется в контексте другой проблемы - сущности истории, «включающей в себя» вопросы о сути исторической реальности, концепции историзма, характере детерминации и т.п. Исходя из вы-

шесказанного первый подход к решению заявленной нами проблемы опосредствуется определённой философско-исторической концепцией. В целом остаётся неясным, каково значение этого опосредствования для решения проблематики «начала истории», включающей соотношение его позитивных и негативных аспектов, возможна ли нейтрализация такого влияния и т.п. Существуют исследования, согласно которым философия истории есть не что иное, как метаистория или метафизика истории, раскрывающая её предельные основания - метапаттерны. Через призму метапаттернов история выступает как целое, как завершённая полнота того, в чём наличная историческая реальность оказывается всего лишь частью. Поскольку же формирование исторического процесса как целостного образования является теоретической фикцией, основные образцы («метапаттерны») развития являются ярко выраженными, архетипически встроенными «прообразами идеи истории. Вернее даже так: метапаттерн - это основополагающий интерес историка и вообще образованного человека, «интуиция истории как целого». Как в предельное, последнее основание, в неё упираются все «врождённые идеи» и фундаментальные априори исторического познания» [2, с. 23-24]. По сути дела, метапаттерны (прообразы) истории довольно часто представляют собой заранее известный ответ на вопрос о начале истории, симулируют это начало. Но вместе с тем избежать «участия» метапаттернов в формировании исторической картины мира, включая и теоретические образы исторической реальности, по существу невозможно.

С нашей точки зрения, ослабить преформирующее воздействие ценностно-идеологических «прообразов» (моделей, паттернов) истории на решение проблемы её начала можно на пути системного подхода к ней. Суть системной интерпретации проблемы начала истории заключается, во-первых, в признании относительной правомочности различных версий начала. Попытки монистического подхода, характерные для недавно ещё господствовавшей в нашей стране методологии познания истории, представляют собой пример такой подмены решения заранее заданным ответом. Так, с точки зрения Ю.И. Семёнова, начало истории - грань, отделяющая человека (общество) от животного (природы), или производство как необходимый признак субъекта. Оставаясь в общем плане в русле идеи Ф. Энгельса о решающей труда в процес-

се становления человека, он производит операцию отделения «начала» от «истории», утверждая например, что потребовалась примерно полтора миллиона лет для того, чтобы под воздействием труда сформировался «готовый человек» с такими его атрибутами, как язык и сознание [10, с. 11]. Сводя проблему начала к хронологии, отождествляя начало с периодом становления общества, с «эпохой праобществ» и отрывая его от собственно истории как периода развития «готового, сформировавшегося общества», Ю.И. Семёнов, тем самым, на манер апории Зенона о дихотомии («чтобы пройти путь, необходимо пройти половину пути» и т.д.) удвоил (умножил) число «начал». При этом между «праобществом» и «готовым обществом» сохраняются качественные различия, перерастающие в различия предметно-теоретического и методологического порядка. Более того, сама история под именем «подлинной истории» получает отвлечённый вид и переносится в утопическое будущее под лозунгом: «коммунизм - подлинная история человечества» [10, с. 15]. Но отрицательным следствием монистического подхода является не только игнорирование иных версий начала - так называемых технократических, отводящих роль начала истории технике, либо культурологическим. Объектом критики становятся попытки дать современное прочтение гипотезы Энгельса, скорректировав её применительно к материалу, накопленному современной наукой - лингвистикой, психологией, физиологией. К числу таких попыток относилась (речь идёт о 1970-х годах) работа Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории». Он дал иную, нежели Ф. Энгельс, трактовку соотношения труд (как целесообразного вида деятельности) и речи. С точки зрения Поршнева, речь (речевая коммуникация) стала фактором формирования общественных отношений людей, их влияния друг на друга и, как следствие, возникновения человеческого труда - целесообразной деятельности [9, с. 402-403]. К слову сказать, концепция Поршнева оказалась в неожиданной близости к культурологической версии начала истории, поскольку он подчёркивал именно тормозящий, нормативный и управляющий эффект речи близкий к культурному. Подчёркивая вслед за Л.С. Выготским орудийную функцию речи, он (скорее всего, непреднамеренно) показал, что технократические представления о роли техники в возникновении и развитии человека и общества имеют се-

рьёзный теоретико-методологический потенциал [1, с. 117].

Отнюдь не случайно, что именно Поршневу принадлежит концептуальная разработка проблемы начала истории, сохраняющая и в настоящее время серьёзное теоретико-методологическое значение. В известном смысле преодолевая те затруднения, с которыми столкнулся Ю.И. Семёнов, он различает внешнее определение и внутреннюю дефиницию начала становления исторического процесса. Под внешним определением начала Поршнев понимает «начало чего-то нового сравнительно с предшествующим уровнем природы», а под внутренним его определением - исходный момент того, «что будет изменяться, что будет историей» [9, с. 37]. Посредством внешнего определения мы приходим к трактовке истории как сверхбиологического состояния, а в роли её начала выступает культура как признак, радикально отличающий историю, как социальное от природы (биологии). Согласно вышесказанному, культура рассматривается как нечто естественное в границах социального мира, как «вторая природа» человека, включающая в качестве структурных элементов труд (целесообразную деятельность), мышление, речь, технику и т.д. «Внутреннее» определение становления исторического процесса - способность социума и субъекта к прогрессивному движению или «прогрессирующая история»: отправным параметром поступательного развития «во внутреннем смысле мы будем считать момент, с которого человеческая история стала двигаться быстрее по отношению к «истории окружающей природной среды (как и быстрее телесных изменений в самих людях)» [9, с. 39]. Методологически важным следствием этих теоретических построений является положение, согласно которому, начало истории неизбежно исчезает, снимается, выворачивается, становится своей противоположностью в ходе прогресса истории - и таким образом исчерпывается. А потому ближайшая исследовательская задача состоит в разработке «привычной обратной модели: начало истории - как синоним не того, что будет затем отрицать история в своём развитии, а того, что составит её положительный генерализованный отличительный признак» [9].

Мы столь подробно остановились на анализе взглядов Б.Ф. Поршнева, так как она вместе с исследованиями В.И. Плотникова составляет исключение (в положительном смысле слова) среди литературы, посвящённой этому вопросу [8,

с. 12]. Можно не соглашаться с теми или иными положениями этой концепции, но необходимо отметить, что её сильной стороной является последовательное осуществление принципа историзма, то есть исторический взгляд на поступательное движение истории, развёрнутое в пространстве и времени и представляющее собой динамическую, целостную систему.

Второй момент системного рассмотрения проблемы начала истории выражается в том, что начало определяется здесь как узловой момент, как точка поворота в процессе превращения одной системы в другую. Взятые с точки зрения элементарного состава эти системы - исходная и конечная - могут различаться незначительно: и там, и тут мы находим людей, обладающих высшим уровнем духовной активности и речью, способностью к целесообразной деятельности; там и тут мы находим культуру, технику, религиозные представления и культы, социальную организацию и т.п. Отличаются же эти системы друг от друга принципами строения. На определённое время решающее значение здесь имеет не его «количество» (сколько лет, столетий), а «качество» (перерыв циклического повторения, «открытие» перспективы, в направлении которой располагается траектория истории) - начало истории выявляет себя на поверхности явлений, превращаясь затем в разветвлённую инфраструктуру исторического процесса, скрытую в его глубине.

Мы будем исходить из того положения, что исходная система, предшествующая истории, - родовое общество, завершающее первобытную эпоху. Традиционно первобытность делится на два этапа - ступень присваивающей экономики и ступень производящей экономики. Вот эта вторая ступень, типом социальной организации которой было родовое общество, рассматривается как период складывания предпосылок для возникновения классового общества и цивилизации на Ближнем Востоке (древний Египет и Двуречье) [3, с. 28-29]. Традиционно причиной данного события является неолитическая революция (Г. Чайлд, Дж. Мердок, В. Бахта, В. Башилов). Она представляла собой изменение, произошедшее в позднем первобытном обществе, связанное с переходом от присваивающего хозяйства к производящему, подготавливающее условия для появления раннеклассового общества. Сам термин «неолитическая революция» был введён английским археологом Г. Чайлдом (1949). Отдавая дань технологическому детер-

минизму, он полагал, что неолитическая революция подготовила условия для возникновения цивилизации посредством того, что «трансформировала человеческую экономику, дала человеку контроль над его собственным запасом продовольствия» [12, с. 33]. Основной чертой неолитической революции Г. Чайлд полагал изменение технологии производства. Существуют и другие трактовки содержания и характера перехода от родового строя к раннеклассовому - в первую очередь, социально-экономическая, родоначальниками которой были К. Маркс и Ф. Энгельс. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» связывал причины этого перехода с общественным разделением труда, этапами которого были отделение земледелия от скотоводства, отделение ремесла от земледелия и выделение торговли как самостоятельного вида занятий [5, с. 11].

При всём различии указанных версий перехода общим их местом является признание определяющей роли материальных средств труда [7, с. 339], техники, обеспечивающей прогресс производительных сил общества. Такое выделение одного из факторов в качестве решающего с методологической стороны является некорректным. Решающую критику подобного подхода разработал П. Сорокин, подчеркивавший, что исторический анализ культурных феноменов предполагает их рассмотрение в качестве системных образований. Из вышеуказанных положений становится ясно, почему в исследованиях культурных феноменов, рассматривающих и анализирующих трансформацию системы, способной к интеграции посредством «одного фактора, который является всего лишь симптомом или следствием, не удавалось раскрыть подлинную природу изменения в такой системе» [11, с. 55]. На наш взгляд, последовательно проведённый принцип историзма требует рассматривать, во-первых, переход от одной системы к другой как специфическую систему, в пространстве которой и размещается искомое начало истории. Во-вторых, рассматриваемая нами системная интерпретация начала истории требует исследовать данный процесс как специфическую систему, внутренняя структура и динамика которой обусловлена новой социальной организацией авторитарного типа. Мы полагаем, что эта специфическая совокупность элементов, образующая мост между поздней первобытностью и собственно историей, может быть охарактеризована как Мегамашина. Качественную особенность но-

вой социальной организации выражают принципы структуры, иерархии и социальной пирамиды, лежащие в основе институционального порядка, обеспечивающие легитимацию абсолютной власти. Фигура царя, символизирующая доминирование новой социальной организации над первобытной периферией, является парадоксальным соединением феноменов власти и личности.

Термин «Мегамашина» был введён в научный оборот Л. Мамфордом. Другим источником появления данного термина стали фундаментальные исследования Ф. Рело, стоявшего у истоков философии техники и известного как родоначальника теории машин. Он считал, что основанная на науке техника является главной составляющей культуры. По его мнению, конструирование машин тесно связано с личностью самого инженера-творца и потому является неотъемлемой стороной эстетического формообразования действительности. Оно должно выражать динамическую сущность машины. Понятие Мегамшины использовалось Л. Мамфордом для объяснения перехода от первобытного состояния к цивилизации. Он утверждал, что началом цивилизации стало изобретение социальной организации авторитарного типа, оказавшей влияние на культуру в целом. Этот исторический феномен «обычно ускользал от внимания» и таким образом оставался вне поля зрения вплоть до современных историографических изысканий, «когда появился гораздо более мощный и современный тип, использующий целое множество вспомогательных машин... При сочетании сразу всех компонентов - политических, хозяйственных, военных, бюрократических и царских - ей подойдёт термин «мегамашина»: иначе говоря, Большая машина... Её изобретение явилось высшим достижением ранней цивилизации. Эта модель передавалась исключительно благодаря человеческим средствам и превратилась во всеобъемлющий свод установлений, охватывающий все стороны жизни» [4, с. 249-250]. Таким образом, рациональная технократическая организация авторитарно-деспотического характера совершила названный переход.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь / Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. - М.: Педагогика, 1982. - С. 5-361.
2. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. - М.: Логос, 1995. - 141 с.
3. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые

- очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. - М.: Наука, 1983. - 534 с.
4. Мамфорд Л. Миф машины. - М.: Логос, 2001. - 404 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. 2 изд. Т. 21. - М.: Гос. издательство политической литературы, 1961. - 545 с.
6. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. - М.: Наука, 1981. - 463 с.
7. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. - М.: Наука, 1983. - 535 с.
8. Плотников В.И. Социально-биологическая проблема. - Свердловск: Издательство УрГУ, 1975. - 179 с.
9. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. - М.: Мысль, 1974. - 487 с.
10. Семёнов Ю.И. На Заре человеческой истории. - М.: Мысль, 1989. - 318 с.
11. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. - М.: Астрель, 2006. - 1176 с.
12. Чайлд Г. Прогресс и археология. - М: Иностранная литература, 1949. - 192 с.